

P29P
X17

Мамед
Халилов

Письмена на базальте

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

УДК 821.161.1-1

X 17

ISBN 978-5-91722-067-3

М. Г. Халилов

X 17 Письмена на базальте./Поэзия, проза – Ярославль:

ИПК «Индиго». 2011. – 128 с.

В книге Мамеда Халилова представлены как поэтические произведения автора, так и проза. И стихи, и эссе проникнуты национальным колоритом, поэтичны и, в то же время, исторически правдивы.

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Портрет автора выполнен

В.В. Мутиным.

ISBN 978-5-91722-067-3

© Мамед Халилов, 2011

«Письмена на базальте» – первая книга Мамеда Халилова, изданная на русском языке, но при знакомстве с ней, вас не покидает ощущение, что с вами беседует зрелый, вполне сложившийся поэт. Стихи, написанные в разные годы, необычны, лаконичны и емки, несут мудрость народа, единой нитью связаны с прошлым и настоящим страны.

Дагестанец (катрухец) по национальности, Мамед Халилов мыслит и пишет по-русски, но при этом сохраняет весь колорит родной, восточной поэзии, что придает его нетрадиционным произведениям еще большую ценность.

В книге представлены и прозаические произведения автора.

«Письмена на базальте» – заметное явление в духовной жизни нашей общей Родины – России. Поздравляю читателей со счастливой возможностью познакомиться с творчеством автора, с его первой книгой.

Валерий Мутин,
Член Союза писателей России

3. Июнь

Поэту Мамеду Халилову

Воспрянул ты, как беркут горный,
Ширококрыл. горяч, раним,
Я горд уж тем, что в деле горнем
Был собеседником твоим.

В твой жребий веря, больно, рьяно
Бил за огрехи и грехи,
Ты, как настройщик фортепьяно,
Отлаживал твои стихи.

И пусть нелетная погода,
И шаток мир у нас в стране,
Тебе – высокого полета,
Ромашкового поля – мне.

Валерий Мутин. Июнь, 2011.

Вместо предисловия

Десятки тысяч дагестанцев мотаются из края в край огромной страны, некогда бывшей им Родиной, и не видят, как растут их дети, как в безнадежном ожидании стареют матери и отцы. Такого быть просто не должно!

Утешение старости – в воспоминаниях о том, как учились ходить и говорить наши дети, какие милые вещи они лепетали порой. Нас лишили этого счастья, но это еще полбеды. Нас лишили и достоинства и национальной принадлежности, равнодушно обозвав «лицами кавказской национальности». Можно было бы просто принять позицию оскорбленной личности, но в этом пугающе невежественном определении есть и косвенное признание того факта, что при всем своем уникальном многообразии, многоязыкости, многоконфессиональности Кавказ един в культурном, духовном отношении.

Пути-дороги многому нас учат, заставляя пристальней всматриваться в жизнь, и прежде всего, в свою жизнь. Это делает нас мудрее. В этом залог будущего процветания Дагестана и всего Кавказа. Я верю, что так будет. Но уверенность моя устремлена в будущее. А в сегодняшнем настоящем – пока другое настроение.

Неуютно в городе чужом,
Веет грустью с жиденьких аллей.
Как сейчас уютен был бы дом –
Я лишь призрак в свете фонарей.

Поев ковчег недаром зацепился за вершину Арарата. В этой библейской притче заключен глубочайший смысл. Человечество за грехи свои поглощенное водами потопа, кануло в небытие, не оставив после себя ничего. Единственное семейство, отмеченное Богом – семейство Ноя, спасается именно на Кавказе и, приумножившись, расходится по миру. Многого не знали древние, но они были мудрее нас, ибо их головы не были забиты, как у нас, массой ненужных и неважных мелочей. Они верно оценили ключевое положение Кавказа в древней истории. Кавказ – это мост между цивилизациями Востока и Запада, Севера и Юга. Это врата народов и, надо сказать, что людской поток в этих вратах никогда не иссякал.

Зовется скифскою плитою
Ракушечника тонкий слой.
Я из него свой дом построю,
А рядом – ты, мой друг, построй.

Вот и сюжет довольно новый:
Застыл щербинкой на камнях
Осколок бронзовой подковы,
Как память об ушедших днях...

А память осталась, как осталось многое из того, чем жили народы, осевшие здесь, и народы, прошедшие через эти теснины. Они не только оставили нам часть своего мира, но и забрали от нас часть нашего и именно

Это роднит наши миры, даруя мыслям и чувствам универсальность. Мы не исчезли, как исчезали другие народы, мы сохранили свои языки и свою самобытность, благодаря универсальности нашей культуры. Где кончили свои дни потомки могучих хун-ну (гунны), в каких народах растворились. Почему они жили, чему или кому поклонялись, что История обошлась с ними так сурово, растворив их в истории почти без следа? Где Византия или Западно-Тюркский каганат. Кости этих империй остались на обочинах караванных путей и засыпаны песком забвения.

– Куда ведет тропа степная,
Куст огибая тамариска?
В безмолвии сухого края
Мираж седого обелиска.

– Куда погналы караваны,
Что шелк везли нам из Китая?
– О, ты не знаешь эти страны, –
Там коршунов пируют стаи.

Хосров Ануширван закрыл Дербентский проход стеной – по тем временам неприступной. И, правда, волны миграций разбивались об эти стены – волна за волной. Но в море переселений бывали не только волны, но и цунами. В VI веке саки хлынули через стены Дербента и завоевали всю Лбанию и Северную Парсию. Стихию невозможно сдержать стенами. Стихию сдерживают другой стихией – противонаправленной. И тогда Исто-

рия противопоставила той стихии стихию народа. Саки исчезли, но оставили город Шеки (Шаки, Саки). Вековая мудрость Кавказа, восприняв, не уничтожила народ, а переработав, оставила в истории. Мы привыкаем к любой вещи, которая была с нами хоть ненадолго. Выбрасывая вещь, мы выбрасываем и часть себя, связанную с этой вещью. Так во всем. Но любая выброшенная часть вопиет о целостности, а сознание – фрагментарно и ассоциативно. В мире вещей возможных чаще всего случается невозможное или, вернее сказать, кажущееся невозможным. Хотя, с другой стороны, быть может это свойство нашей памяти – запоминать неординарное. Впрочем, я отошел от темы.

Кавказ можно изучать вечно, в бесконечных аспектах и все равно исчерпать тему Кавказа невозможно. В горах Дагестана нашли бронзовую фигурку богини плодородия и назвали ее лакской Девой, поскольку нашли ее в лакских горах. Ей 9 тыс. лет. Какой народ может похвастаться матроной столь почтенных лет! Объяснение феномена Кавказа лежит в плоскости его культуры, культуры необычайной, культуры, в которой можно отыскать зародыши культур многих народов мира. И все это связано с тем, что Кавказ – это врата народов, о чем я уже говорил.

...Для моей печали мир тесен,
Уноси тоску моих песен...

Мы тоскуем обо всех тех, кто, растворившись в нас, оставил в нас часть себя. Это сложное чувство, — чувство сопричастности к миру, — нигде не проявляется так зримо и рельефно как на Кавказе. Услужливая память порою показывает мне такие картины, свидетелем которых я не был, да и не мог быть априори. Что это? Я думаю — это тоже память, но только память, заложенная во мне на генетическом уровне. Если это не так, то почему я физически ощущаю ритм топота сакской конницы, ярость и боль погибающих под стенами Дербента и многое такое, что с рациональной точки зрения объяснить невозможно.

Чувство Бога в человеке лежит в тех же пластах подсознания, в которых лежит и чувство самосохранения. Вполне возможно, что в тех пластах моей памяти лежит и чувство самоидентификации. Кавказцу сложно идентифицировать себя. Нужно сначала вслушаться в себя, чтобы в созвучиях Иберия в Грузии и Иберы в Испании, Рутульцы в Дагестане и Рутульская конница в древней Италии ощутить сродственность с цивилизациями.

Все это слишком неоднозначно, чтобы быть случайным совпадением названий и народов.

История не признает случайностей. Это мы, не умея проследить связь событий, по своей невежественности отдельное событие истории записываем в разряд случайного. Поэтому и не можем понять жизни: как целост-

ность, как непрерывную цепь событий, которые взаимно обуславливают друг друга.

Современник мой, соотечественник – не смотри на Кавказ, как на нечто чужеродное, всмотрись в себя, как я всматриваюсь в себя. Быть может в нас больше роднящего, чем разъединяющего.

ШИХАМИР

Я любил беседовать с этим стариком. В маленькой комнате с низким потолком было необыкновенно уютно. То ли от самодельной деревянной мебели, то ли от жарко натопленной железной печки, то ли от вида старика, от которого пахло овчинным тулупом и еще чем-то таким домашним, чем пахнут только старики и дети. В последнее время он часто болел, сказывался возраст — ему было почти девяносто лет. Около печки, прямо на полу, поверх старого, изъеденного молью овчинного тулупа были заботливо уложены невесткой старика, женой младшего сына, шерстяные подушки, и он целыми днями полусидел-полулежал на них, томась вынужденным бездельем.

Когда он болел, я часто навещал его по вечерам, чтобы развеять его скуку. Он радовался моему приходу и каждый раз, усадив меня рядом с собой, он первым делом просил невестку: принеси чаю. За чаепитием шел незначительный разговор о домашних делах и погоде. Это была своеобразная артподготовка перед серьезным разговором. После чая желтовато-прозрачной, костлявой рукой, на которой проступали голубоватые жилки вен, он поправлял подушки и поудобнее устроившись начинал беседу со мной. Обычно я просил его рассказать

о войне, участником которой он был. Но он не любил вспоминать войну и разговор неизбежно переходил на темы религии и морали.

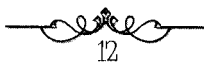
Как-то ненастным осенним вечером я сидел у него в гостях и мне показалось, что он чем-то взволнован, хотя и старается не показывать этого. В этот раз, вопреки обыкновению, он сам начал рассказывать про войну.

...Начался артобстрел и мы стали спешно окапываться. Я и еще один солдат – имени, фамилии не помню, помню только, что русский, откуда-то из-под Ростова – вдвоем вырыли окоп и залегли, боясь высунуться, – такой пластный был огонь. Вдруг, сквозь вой и грохот, слышим, нам приказывают покинуть окоп. Оглядываемся – лежит за окопом капитан и, яростно жестикулируя и матерясь, приказывает нам его покинуть. Делать нечего, мы вылезли из окопа и поползли назад, отыскивая, где можно было бы вжаться в землю...

Не буду говорить, что мы пережили и как остались живы. Кончился обстрел, мы поднялись и слышим – кричат, что капитана убило. Подбежали мы и видим, что снарядом срезало дерево, росшее рядом с окопом, сосенку – и не скажешь, что большая, сантиметров пятнадцать в диаметре – и дерево острыми щелками расщепленного комля впилося в спину несчастного капитана, который лежал в нашем окопе... Значит, Аллах не захотел нашей смерти, а судьба капитана была предрешена.

Я возразил, что это могло быть простой случайностью.

– Нет, это не случайность – убежденно сказал он.

Этот капитан, видимо, сильно нагрешил против людей и Аллаха, если Всевышний покарал его, не дожидаясь Судного дня.

Потом, без всякого перехода, он сказал:

– Приходил на днях мулла Сабир и много чего здесь наговорил. Нет, слушай, ты много читал и наверно знаешь, – вот мулла говорит, что у Архангела Джабраила шестьсот двадцать четыре крыла, а зачем ему столько крыльев?

Вопрос несколько озадачил меня и я полушутливо ответил, что совершенно незачем, – столько крыльев будут мешать ему и он бы обязательно сорвался в штопор.

– Вот и я этому не совсем поверил, – выдохнул он. – А вот насчет моста Сират, по которому правоверные попадают в рай – я верю. Расскажи мне про этот мост, что про него пишут в книгах, – попросил он.

Какой-то черт меня дернул подшутить над стариком и я, вспомнив, где-то прочитанное или услышанное про сон Шейха, начал:

– Все почему-то думают, что мост Сират – это обычный мост, – только для безгрешного правоверного он прям и широк и, пройдя по нему без всякого страха, он прямиком попадает в Рай.

Для грешника же этот мост шириной тоньше человеческого волоса и острее бритвы. Грешник не может перейти этот мост и срывается с него прямо в пекло Ада.

– Да, да, – согласно закивал головой старик, – мулла так и объяснял.

– Но люди, – между тем продолжал я – не совсем правильно понимают смысл сказанного в Коране. Там нигде не сказано, что мост становится узким в ширину...

– Как же так, – удивился старик.

– Так вот, теперь слушай, как все происходит на самом деле. Между прочим, это не людские домыслы, а некоему святому Шейху было во сне откровение про мост Сират. Так вот, – снится Шейху, что Аллах призвал его к себе, он умер и стоит перед мостом, по которому он должен пройти в Рай. Шейх не боялся, он был праведен и ни делом, ни помыслом не нарушил заповедей Всевышнего. Посмотрел он на мост и видит, что глаз не в силах охватить его ширину и длину, и мириады людей шагают по мосту...

– Да, узкий мост не смог бы вместить всех умерших, – согласился старик.

– И далее, – продолжил я, – Шейх не стал долго раздумывать и смело ступил на мост. Идет Шейх и замечает, то слева от него, то справа, то спереди люди проваливаются сквозь мост, – вниз. Пригляделся Шейх и заметил, что хочет человек поставить поднятую ногу на настил моста, а в это время под другой его ногой открывается люк и человек летит вниз, потом люк так же мгновенно закрывается и его – незаметно. Таким образом, одни делают всего один шаг и проваливаются, другие с десятков шагов, третьи с полкилометра уже отшагали. Не буду тебя томить. Короче идет наш Шейх и постепенно толпа вокруг него редет. Вот и показались, наконец, райские сады. От-

линулся Шейх и видит: из всех людей осталось всего несколько человек-попутчиков. Тут Шейх укрепился духом и зашагал быстрее. Когда до райского берега оставалось несколько шагов, Шейх подумал, воистину велик и мудр Аллах, воздающий каждому по заслугам...

– Вот, вот, – оживился старик, – а ты не верил.

– Подожди, дослушай. Дошел-таки Шейх до Рая, – остался последний шаг и думает он, что...

– Это ты потом расскажешь, – поторопил меня старик, – вышел он на тот берег?

– Да ты не даешь мне досказать! Поднял он ногу, чтобы ступить уже на райскую почву и тут...

– Что? – воскликнул старик, привстав на локте.

– Как и у всех, – ответил я. – Открылся люк под другой ногой, что была еще на мосту, – с притворной усталостью и равнодушием сказал я.

Несколько мгновений старик молчал, потом вдруг разозлился:

– Уходи, нечестивец, уходи немедленно!

Я едва сдерживая душивший меня смех, вышел из комнаты.

Через три дня я снова зашел проведать его. Он не стал укорять меня, а добродушно посмеиваясь сказал:

– Провел-таки старого, а я было и поверил.

Через месяц после этого старика не стало. Он тихо отошел во сне.

Старый чабан Шихамир, всю жизнь пасший овец, воспитавший десятерых детей, неграмотный, но по жи-

тейски мудрый, никогда не зарившийся на чужое, кристально честный и прямой – спи спокойно. Пусть успокоится душа твоя в садах Дженнета*. Ты прошел свой мост Сират с честью, чему доказательством наша грусть и память о тебе.

05.06.2011

* Дженнет – рай у мусульман.

ПОЕЗДКА В ПОДНЕБЕСЬЕ

Посвящается брату Зулфи

1

... Позади Лучек¹, а за Ихреком²
В шрамах склон, и света торжество.
Воздух пахнет соснами и снегом –
Как вино, из рога пей его.

Еду, ожиданием томимый,
По дороге, что ведет к селу,
Где, ревя, Самур³ неукротимый
Омывает Красную⁴ скалу.

Та скала – от века и поныне –
Для людей предвестница весны.
На ее безжизненной вершине
Две зеленых высятся сосны.

Свято таинство, в веках хранимо,
Перешло от дедушки к отцу...
Проходя скалы Священной мимо,
Не забыть – воздать хвалу Творцу.

...Мой Катрух!⁵ Родное поднебесье!
Гаснут звезды, рушится гранит.
Здесь не все, как в старой горской песне, –
Не во всех домах огонь горит.

В поисках иной, счастливой доли,
Вековой уклад не ставя в грош,
Из аулов, словно из неволи,
В города уходит молодежь.

Так – за поколеньем, поколеньем...
В спину юных все большей смотреть.
Предков языка исчезновение
Хуже, чем физическая смерть.

Мой Катрух, теснинами зажатый,
У истоков ледяной реки,
Я твой сын, твой ревностный ходатай
Времени лихому вопреки,

Я хочу, чтоб век твой не кончался,
Чтобы мир пришел в твой дома,
Чтобы на террасах хлеб качался,
Полнились пшеницей закрома.

Чтобы пахли ручейки форелью,
Чтоб стояла на скале сосна,
Чтоб с хребтов, стекая акварелью,
После вьюг врывалась к нам весна.

Всей душой, всем сердцем припадаю
К каменной груди твоей, Катрух.
Где умру, в какой дали, не знаю.
Знаю – здесь найдет покой мой дух.

18. 07. 2011

¹ Лучек, ² Ихрек – горные аулы в долине р. Самур.

³ Самур – река в Южном Дагестане, одна из крупнейших рек Республики.

⁴ Красная скала – одиноко высящаяся скала причудливой формы, почитается как святыня.

⁵ Катрух – родной аул автора.

ТЕНЬ ЛБАНИИ* УШЕДШЕЙ

... Там кресты христиан не разрушило время.
Там леса, что сравнимы с садами Эдема.

Там ущелий разводы, река и долина...
Только там небеса цвета ультрамарина.

* Лбания — древнее государство с IV в. до н. э. на территории современного Северного Азербайджана и Южного Дагестана. Распалось в VII в. н. э. под натиском арабов.

О НАС

Ужу надо было сбросить кожу, а он не находил удобного места, где бы старая кожа зацепилась за что-нибудь, и он бы смог выползти из нее. Но кругом все было распахано и уцепиться было не за что.

Змея ползла и ползла, и доползла-таки до изгороди. Зацепилась старой кожей за колючки и, ну, давай стаскивать с себя, ставшее ненужным платье. Стащила до половины и обессилела. Сказалась и долгая дорога, и двойные одежды. Задремала.

Вдруг она почувствовала движение. Открыла глаза: стоят два человека – бояться.

Змея вздохнула и выдавила из пересохшей гортани:

– Вытащите.

Люди отпрянули. И один сказал другому:

– У, гад, видишь, шипит еще, надо убить.

Змея покорилаь участи. Она закрыла глаза и подумала: все повторяется. Я слышала эти слова, когда еще фараонам служила.

Неужели с тех пор люди не поумнели?

На плечи лип и сосен шаль
Зима накинула небрежно.
Ты на ветру – безмерно жаль! –
Стоишь, поеживаясь нежно.

Умчалось все куда-то в даль,
Но нестареющая память
Откинёт времени вуаль
И все большее сердце ранит.

Родная, одного мне жаль,
Взамен тому, что с нами было, –
Останется лишь эта шаль,
Что сосны с липами укрыла...

НА КОНЦЕРТЕ

Т.Г.

Ничего не случилось, и ближе не стали мы...
В инструмент ты уткнулась руками стопальми.
И Шопена соната потоками талыми
Заввучала на струнах – витых хрусталях...
Утонуло все сущее в звуках, в страстях,
И – неловко к тебе мне с проблемами малыми...

С ветром шепчется листва в саду.
Голос милой в ней я уловлю.
Не посмел признаться, что люблю -
К ней прохладою в ночи приду.

...А мне все снятся берега другие,
Не хуже этих берегов ничуть.
Подули ветры в паруса тугие...
Скажи мне: «С Богом!..»
И я тронусь в путь.

Годы, что остались позади,
Ничего для нас уже не значат.
Надо, не страшась, вперед идти
С верою в грядущую удачу
Нашего нелегкого пути...

Что в том тебе, что ты другого хуже –
Ты в жизни за собой не жги мосты.
Ты просто знай, что ты кому-то нужен.
Другой не нужен. Нужен только ты.

Не говори, что вместе мы до гроба.
Нет, в этом мире каждый одинок.
Страшимся одиночества мы оба
На перепутьях суетных дорог.

Мы, разойдясь, встречаемся порою,
Чтобы заполнить сердца пустоту.
Но Магомед не встретится с горою –
Несбыточную не тревожь мечту.

Как суховей меняет лик пустыни,
Рождая в зыбком мире миражи,
Так мы друг друга потеряли ныне.
Вновь не сойдёмся, сколько ни тужи.

ЭМБЛЕМА

В одной местности, названия не скажу, думаю, догадаетесь сами, жили горные антилопы – туры. И ещё там жили бедные люди, занимающиеся, по большей части, животноводством и часто промышлявшие охотой. Постреляли они всех туров, остался только один старый тур. Скучно ему стало одному в горах. И начал он по ночам осторожно спускаться к аулу, где была домашняя живность. Долго ли, скоро ли, сошелся он с козами, которые содержались в загоне у одного горца.

Не раз и не два приходил он к козам и просился к ним. И каждый раз козам было неловко ему отказывать. И вот, когда он в очередной раз пришел просить у них угол, старая-престарая коза, которую хозяин не резал из-за того, что мясо у нее жесткое, и вообще – мол, взять с нее нечего, сказала:

– Мы приручены, а у тебя в глазах – огонь. Не дай тебе Бог стать такими, как мы. Пусть лучше в полете погаснет огонь, живущий в твоих глазах.

Тур поднялся на самую высокую вершину и замер над пропастью. Огонь его глаз погас в полете.

Я думаю – вы знаете: он стал эмблемой целой республики.

Почему мы осенью так чутки,
Как-то по-особому нежны?
Почему печальны наши шутки
И друг другу больше мы нужны?..

РАЗЛУКА

...А память рисует, рисует тебя,
Рождает химеры.
И плачет душа, безответно любя,
Без цели, без веры.

Ведь, всю я тебя, как себя, наизусть
Запомнил всем телом.
Поймешь ли, простишь ли мне светлую грусть,
Пропавшая в сером?

Мы говорили над ручьем...
Ты — с серым камнем — о своем,
А я беседовал с дождем...

На сердце ожиданье было...
Есть миг, когда слова нужны,
Есть миг, когда слова бескрылы.

Иные звуки нам важны:
Дождинок шепот, листьев шелест
И шелест трав, что так нежны.

...Какая прелесть быть вдвоем:
Вот так сидеть и слушать шепот
Природы-матери с дождем...

Т.

Я Вам выстроил храм,
Где свободно ветрам,
Где клубится туман
Меж колонн по утрам...

Я Вам выстроил храм
Равный целым мирам.
Алтари в храме том
Предназначены Вам.

Но пустует мой храм,
Хоть всегда по утрам
В нем чадит фимиам
Равнодушным богам.

Боже, как мне одиноко.
И как холоден Твой храм
С равнодушием жестоким
Не внимающий словам.

В чем я согрешил, Всевышний?
Не убийца, не злодей,
Почему, скажи, я лишний
И чужой среди людей!?

КОВА-ЕГОЗА

Тяжела жизнь в горах, вдвойне тяжелей в наших горах, где вообще нет пахотной земли. Маленькие терраски полей, устроенные на склонах не всегда обеспечивают хозяев зерном, необходимым для пропитания семьи. А после Великой Отечественной войны, когда был введен налог на все, вплоть до яиц, горцы, опасаясь возможных репрессий, засевали свои поля только в надежде, что урожай этих полей покроет налоги: кормиться и содержать свои семьи ездили в Азербайджан. Езжали в ноябре, чтобы зимние, голодные месяцы как-нибудь продержаться в благодатной стране, подрабатывая на поденной работе сущие гроши. Впрочем, горцам, привыкшим к аскетическому образу жизни не так много требовалось. Туда же, в Азербайджан, перегоняли на зиму колхозных овец. Каждой семье разрешалось отправлять вместе с колхозными отарами по пять овцематок.

Правило соблюдалось строго. Но горцы, боясь, что приплод от суягных овец будет зачтен чабанами вместо павших колхозных овец, старались записать своих овец к родственникам-чабанам, чтобы хоть какая-то прибавка была с приплодом. Так же поступил и мой дед Муси. Овец у него было мало. Единственно, что его беспокоило – старая коза, которую зимой в хлеву было совершенно невозможно держать. Она не признавала никаких клеток

— перелезала через них то к коровам, то к ослу, то к лошади. Особа была беспокойная. И вот дед решил отправить ее в Азербайджан вместе с колхозной отарой. Зять деда — муж старшей дочери, Ширин был чабаном. Дед поручил козу своему зятю. Еще до снегов ушли отары в Азербайджан. Дед с четырьмя детьми и бабушкой через Мискинджинский перевал отправился туда же месяц спустя.

Жили в Азербайджане у кунака — зажиточного азербайджанца, который из жалости приютил их и, чтобы не чувствовали себя приживальцами, поручал им незначительные домашние работы.

Прошла зима. Март был на исходе. В один из дней бабушка сказала деду: «Поизносились ребятишки, надо бы сходить на базар, хоть что-то купить детям, да и себе. Хозяин азербайджанец Мустафа дал деду денег и лошадей.

На следующий день дед с бабушкой с утра уже были на базаре в с. Лиабад. Дед попросил бабушку: «Лйше, ты стой и держи лошадей, а я пройдуся и посмотрю, где и что, потом вместе пойдем и ты купишь то, что тебе нужно».

Дед отошел и первым делом, как истинный горец, прошел к рядам, где торгуют живым скотом: лошадьми, ослами, баранами. И вдруг замечает издали — его зять Ширин продает козу. Дед вернулся обратно: «Лйше, поедем домой, сегодня базар слабый». Бабушка ворчит: «Все торгуют». «Едем домой», — отрезал дед. Вернулись. Возвратили деньги Мустафе, который все удивлялся: «Быть на базаре и ничего не купить. Не пойму я этих горцев»

Вернулись все в Дагестан. В начале мая пришли с отарами и чабаны. Зять Ширин пришел к деду и с доброй широкой улыбкой сказал: «Дядя Муси, а ваша коза зимой умерла».

Дед ответил: «Я об этом догадался еще на Лиабадском базаре».

С тех пор эта история стала притчей.

ЖИТЕЙСКАЯ МЕЛОЧЬ

Одна женщина спросила меня:

– Почему ты меня ругаешь? Я живу, как хочу.

Я ответил, что не приемлю такую жизнь, и что она мне противна.

Она возразила:

– Ты мог бы со мною дружить.

Мне было противно, и я ей об этом сказал. Она вся потемнела лицом и ответила:

– У меня размер груди на два размера больше, чем у твоей жены.

Я не выдержал:

– У моей жены душа несоизмеримо чище твоей.

Теперь она со мной не разговаривает.

19.04.2009

Те слова, что до нас были многими сказаны,
Не разбудят однажды уснувших надежд.
Узелки нашей памяти крепко завязаны,
И нельзя отличить мудрецов от невежд.

И не нужно ни слёз, ни упреков – все пройдено –
Навсегда завершён их недолгий маршрут.
И таких ещё слов человеком не найдено,
Чтобы к жизни смогли уходящих вернуть.

Уж так случилось – я не знаю счастья.
Но, ведь, когда-то было все, скажи,
Синели в дни тревоги и ненастья
Твои глаза, как васильки во ржи.

Исчезло всё, подёрнуто забвеньем,
Но всё же, всё же, сквозь разрывы туч
Воистину, божественным мгновением
Прорвется из бывшего синий луч.

Она осталась где-то в двадцатом веке старом
Красивая девчонка по имени Тамара.

Пионами там пахнут резные палисады,
Там соловьи, но только, там нет моей Тамары.

Умом я всё приемлю, но сердце встречи жаждет,
Всё верит, что с Тамарой мы встретимся однажды.

Не уйти от серых буден,
И порой не дорог свет?
Как бы ни был путь твой труден,
В прошлое возврата нет.

Посмотри, как мир наш ярок,
И ты неслучайно в нём.
Жизнь приемли, как подарок
Темной ночью, ясным днем.

РАЗГОВОР

Как сказать мне для прекрасной Лалы...

Ты сегодня, как всегда права.
Сетуешь, что жизнь проходит мимо.
Я – молчу; не объяснят слова
То, что, милый друг, необъяснимо.

Как сказать тебе звезду в ночи?..
Шорох ветерка от лунной тени?..
Как целуют первые лучи
Влажный куст зардевшейся сирени?..

Как сказать тебе рождение грёз?..
Жгучесть потаенную крапивы?..
Истекающих смолою слёз
Сосен, что стоят среди желтой нивы?..

Как сказать тебе громаду гор
Ледников в тумане бледно-сизом?..
Или моря синего простор,
Тронутый едва легчайшим бризом?..

... Ты права, навряд ли вспомнят нас
Те, что завтра нам придут на смену...

Лишь в руках у мастера алмаз
Обретает истинную цену.

МИМОХОДОМ

И сказал Господь:

– Из первенец своих принесите на заклание.

Я первый ребенок в многодетной семье.

Я готов на закланье, но кто принесет меня в жертву и кто ее примет.

Я точно знаю, что крест у каждого в душе. Просто иные вваливают его себе на спину, а иные – нет.

Я готов, как первенец, но кто возьмет на себя роль Господа?

Тяжка их участь.

19.04.2009

РАСПАЛТА

Один человек жил сам для себя. Не творил добро для людей, но и зла не творил. Просто жил, просто ел, просто отправлял естественные нужды. Но пришло ему время умирать.

Когда ангел смерти встал у его изголовья, он попросил ангела: «Я жил только для себя, поэтому прошу тебя – дай и смерть мне не такую, как у всех».

– Пусть будет так, – сказал ангел смерти.

Целый месяц человек пролежал в агонии. О его смерти люди узнали лишь по запаху тления.

Хоронили его по обычаю. Люди были добрее, чем он о них думал.

17.10.2005

Дочь рассвета – росинка
Спит на глади листа,
Как ребенка слезинка
Лучезарно-чиста.

В малой капельке этой,
Что упала с небес,
На вопросы – ответ
Совершенства венец.

Ты всё прими безропотно, как должно.
Пусть лепестками роз твой устлан путь.
Но в этот самый миг, вполне возможно,
Крест для тебя поставлен где-нибудь...

– Почему под камнем я возник,
Не сточить его мне и вовеки, –
Жалуясь, в траве журчал родник...

А в плену теснин ревели реки.

Ничто в этом мире не ново.
Не вечен порхающий снег.
Лишь в муках рождённое Слово
Останется с нами навек.

Всё названо именем, словом.
— Где те, кто давал имена?
Ведь были под неба покровом
Шумер и Аккад племена...

Где тени, где знаки былого?
...И стерты народы во прах,
Осталось от них только Слово,
Но Слово, живое в веках.

..Вновь листва на холоде горит.
А дорога больше не пылит.
Как мне жаль порой, что, увядая,
Нежности природа не хранит.

Здесь молитвы ни к чему слова:
В Книге Жизни новая глава...

КОГДА УМРУ...

Кем стану я? – В пустыне саксаулом,
Березкой белой на крутом юру,
Сольюсь с горой, что над моим аулом?..
Одно я знаю: весь я не умру.

Одно я твердо знаю: смерти нет.
Есть в этом мире только Тьма и Свет.

МОЛИТВЫ МОЕГО ДЕДА МУСИ

Дед был человеком очень набожным, сколько я его помню, а помню я его хорошо и отчетливо. Даже со своих, уже немалых лет, я не смогу, пожалуй, сказать определенно, что какой-то его поступок носил меркантильный характер. Он был, как и все горцы, рачительным хозяином, в меру скупым и бережливым. Спустя многие годы, когда деда уже не стало, я зашел во двор старого родового дома и изумился: даже прутья ивы, которые нужны для плетения корзин, лежали у стены, строго отсортированные по диаметру, но правда за долгий срок хранения истлели.

День его был необычайно наполнен: пять обязательных намазов, а между ними – с утра осмотр пчельника, всего-то пять ульев, поход за один километр до огорода. Вернувшись, он выпивал чашку чая и ложился спать, но не спал, а лежал смежив веки. Когда кто-нибудь входил в комнату, он приподнимал веки и говорил: «Входи, раз зашел». Какой разговор шел после, я не знаю, как не знаю и того, почему люди оттуда выходили просветленными.

Я видел и могу засвидетельствовать только одно, как дед молился. Я это видел много раз и ошибиться не

могу. Совершив намаз, он вставал, что-то бормотал по-арабски, а потом говорил, каждый раз что-то от себя, обращаясь к Богу. По памяти приведу то, что помню:

– Всевышний, прости мне мыслей разброд! Милосердный, ты поймешь наши горести, нашу боль. Рабу твоему позволено ли учить и давать советы. Многоумный, научи, не могу я в ничтожестве своем отказать бедным и сирым. Грех многоумудрия прости, если можешь, Вседержитель. С тем смиренно преклоняю колени пред Тобой и пусть далее свершится то, что суждено. Аминь.

С этими словами он скатывал молитвенный коврик, аккуратно ставил его в угол и долго сидел, думая о чем-то.

Вот таким я его и помню.

Мир его памяти!

ПАМЯТИ ОТЦА

Всю чашу жизни выпил я до дна,
Но что скажу я сыну на прощание?
Одно постиг я:

Истина одна.

И сыну я скажу лишь — до свиданья.

Муэдзина голос сладкий
Поутру, как тени дроздь.
Сотни лет играют в прятки
Вперемежку с правдой – ложь.

По нет права на сомнение –
В этом мире всё, как встарь.
И никто на свете мнение
Не приемлет – ты дикарь.

И растёт в душе тревога,
И греховна мысль порой.
Родились вы раньше Бога.
Те, что за Него – горой.

Чья-то жизнь – одна удача.
Чья-то жизнь – Стеною Плача
Протянулась в никуда,
Ничего собой не знача.

Божий промысел известен –
Не заслужишь, если честен,
Если быть рабом не рад,
Ни богатства, ни наград.

Нет, я не ропщу на Бога.
Путь мой – горная дорога.
В даль зовет меня звезда...

Только, я устал немного.

Когда я умру,
Через сорок дней
Стану капелькой росы
В яблоневом саду

(ещё рано плакать)

И зажгусь на солнце,
И сверкну в последний раз,
И... упаду в свой час.
Жаль мне остающихся, вас.

(слёзы – боль души)

В каждой капельке – боль.
Дождь – тоска сердец.
Вас, занятых только собою,
Память разбудит всех.

(влага слёз – не слякоть)

... Когда я умру,
Через сорок дней,
Ранним утром выйди в сад
И побудь среди яблонь...

(только не плакать)

...Слезы не слякоть...

Когда душа моя покинет
Увядавшей плоти смрадный хлам
И ангел смерти душу примет,
Чтобы воздать ей по делам.

И с равнодушьем счетовода
Сочтёт в тиши добро и зло,
Поняв, стезёй какого рода
Меня по жизни пронесло,

Запишет ли арбитр небесный
В графу отчета о грехах,
Что честно мир земной, чудесный
Я воспевал в своих стихах.

Кавказа снятся мне снега,
Каспийское мне снится море,
Мечетей снятся купола,
В платанов кружевном уборе.

И блики солнца на воде,
И говор ручейков хрустальных,
И плачь свирели в глубине
Долин задумчиво-печальных.

Мой Дагестан любимый... Он
Не по моей стелает воле.
Всё повторяющийся сон,
Лишь – отзвуком сердечной боли.

Предназначено судьбою мне
Гарцевать верхом на скакуне.

Но мечтал я, шпорами звеня,
Обуздать крылатого коня.

Но, пока, в полночной тишине,
Конь крылатый только снится мне.

Предаваться унынию негоже.
Просыпаюсь и радуюсь: «Боже,
Становлюсь я добрей и моложе».
На Эдем мир приемлю похожий.

Между сном и явью – ночи мгла
Вечности рекою пролегла...
То ли вещей сон ночной был явью,
То ли явь дневная сном была?...

ГОРДЫНЯ

Некто вознамерился доказать людям, что человеку для великих свершений не нужно ничего, кроме упорства и отваги. Чтобы доказать это, он решил покорить недоступную горную вершину. С великими трудностями, весь обмороженный и израненный, он достиг вершины горы и там, преисполняясь гордыни, громко крикнул в небеса:

– Где ты, Бог, я не вижу тебя, я ни разу не произнес твоего имени, но все же покорил вершину, которую ни один человек до меня не покорял. Люди, глупые, сядя на осла и то поминают твое имя, а тебя нет. Где ты, ау, отзовись, слышишь, я взобрался сюда без тебя, слышишь, без тебя!

Так бесновался человек на вершине горы. И, вдруг, из ясного неба, из всех ущелий, со снегов и скал, со всех сторон, донеслось до него:

– Не спеши похваться, смертный, тебе предстоит еще и спуститься с этой вершины и ты еще десять раз призовешь Меня на помощь.

РАЗГОВОР ДВУХ ЧЕРВЕЙ

Червь разговаривал с червем:

– Где твоё пристанище, друг?

– В яблоке я живу, сочном, наливном. А ты где коротаешь свой век?

– О, мой дом венец творения – человек.

– Тогда понятно, почему от тебя так скверно пахнет.

18.10.2005

ОДИНОКЯ ГОРА

За этой горой не было других гор. Она высилась одиноко и величаво.

Ее главу вспарывали молнии, ее грудь душили туманы. По прошествии сотен веков Господь спросил гору:

– Ну, как тебе твоё одиночество?

И ответила тогда гора:

– Разве могу я быть одинока, если служу ориентиром сотням аулов?

18.10.2005

ПОЭТУ

Решив ослов медлительных скрестить
И скакунов горячего порыва,
Смогли бесполох мулов породить —
Беспомощное стадо над обрывом.

А где мустанги — кони наших снов,
Что так неудержимы и игривы? —
Запутались мустанги в сонме слов.
Олимпа ветер их не треплет гривы.

В мире том, где каждый без порока,
Отклик не найдут слова пророка.

Если путь вам некуда торить —
Смысл теряет и сама Дорога.

Отарами барашков златорунных,
Пасутся облака на склонах гор.
Порывы ветра на волшебных струнах
Ведут с вечерним небом разговор.

Пьянея, упаду в траву на спину,
Вдохну камней пахучее тепло.
В блаженстве руки в стороны раскину...
Аллах, как в мире тихо и светло!

Приходит старость незаметно,
Неторопливо – по чуть-чуть.
Уже мы любим безответно,
Уже гуськом идем к врачу.

О, Господи, дай только воли,
Чтоб, как вечерняя заря,
Без нарекания, без боли
Угаснуть, жизнь благодаря.

Я подошел к резным дверям мечети.
Настал священного намаза срок.
Я много исходил дорог на свете,
Но, как в мечеть переступить порог?

Я так хотел войти в мечеть пустую,
Чтоб со Всевышним быть наедине.
И чтобы мою исповедь простую
Он выслушал при полной тишине.

Меня остановил имама голос,
И мой порыв, как свет дневной угас.
И, правда, тоньше, чем обычный волос
Та нить, что с Богом связывает нас.

Не так молились древние арабы.
Одни: пустыня... человек... Млах...
И черный камень с капища Коабы –
Один на всех ориентир в песках.

РАЗГОВОР С ГОРОЙ

Спросили у седой горы, что она думает о людях.

– Это кто, – спросила гора, – те, которые ползают
или те, которые летают?

17.10.2005

ИЗ ДЕТСТВА

Рисует мальчик на стекле
Круги и линии косые.
А по обратной стороне
Стекают капли дождевые.

Унылый бесконечный дождь
Тоску на малыша наводит.
Скажи, кого ты, мальчик, ждёшь —
Никто по улице не ходит.

Откуда у тебя тоска?
В какие ты унесся дали?..
Никто не ведаёт пока,
И сам ты ведаешь едва ли...

В СТЕПИ

А. Латифову

Какая беда здесь случилась когда-то?
 Исчезли куда кочевые шатры?
 Безмолвно вечерние гаснут закаты,
 В ночи не горят на курганах костры.

Лишь тропы в засохших лесах Тamarиска*
 Скрывают в объятиях мертвых корней
 Костров безымянных погасшие искры
 И дикое ржанье сарматских коней.

Куда извивается тропка степная,
 К каким потаённым кочевьям бежит –
 То знает унылая песня Ногай,
 Что вольной орлицей над степью кружит.

Трепещут упруго кровавые маки,
 Собой воскрешая далекую бль.
 Ищу я в безмолвии прошлого знаки,
 Но ветер вздымает горячую пыль...

* Тамариск – степной полукустарник

Сам по себе не страшен омут...
Одни в его пучине тонут,
Другие просто в нём купаются.
Кто для чего в него бросается.

ИЮНЬСКОЙ НОЧЬЮ

«Уснул к утру усталый соловей...»

С. Стальский

В моем саду средь розовых ветвей,
Умолк с рассветом звонкий соловей...

Казалось, еще целое мгновенье
В ветвях айвы его стояло пенье.

До зари проснулись птицы
Раскричались – не унять...
Хорошо бы похмелиться –
Головы не приподнять!

Как легко живется птицам,
Что живут одним лишь днем!..
Что мне делать? – застрелиться?
Или – обойтись ремнём?

Мне себя ничуть не жалко.
Но пока придется жить –
За аренду катафалка
Нынче нечем заплатить.

А раз так – я засыпаю
Под звучание сюит.
Поживу ещё – решаю.
Птицы рады: фью... фьюить...

Вы мною будете гордиться,
Как необъезженным конём.
Но обуздать – играть с огнём –
Навряд ли кто-нибудь решится...

ХАФИЗ-ГАЯ

Где поток Хазри¹ сердитый
Лижет грот, как зверь скуля,
Выситя, ветрами бритый,
Лоб скалы Хафиз-гая².
С тучкой-страницею ровень
Тур на гребне замер вмиг...
Ярость солнечных жаровень
Победив, журчит родник.
Дивный край, ты душу горца
Красотой очаровал...

В честь Хафиза³ – стихотворца
Ту скалу народ назвал.

¹ Хазри – сильный Юго-Восточный ветер. От старого названия Каспийского моря Хазарское, сл. Тюрск. Хазри, т.е. от Хазарского моря.

² Гая – скала (тюрско-азербайджанское и в ряде горских языков).

³ Хафиз – великий Персидский поэт.

В МАРТОВСКОМ ЛЕСУ

Объёмен лес. На фоне неба синем,
Свечами вербы на ветру дрожат.
И что с того, что мы с тобою сгинем,
Когда синь неба вербы сторожат.

За что, скажи, мы эти вербы любим?
Какой нам прок от их пустой красы?
Меж тем и мы, всё понимая, губим
Короткой жизни лучшие часы.

Зачем себя сомненьями тревожим,
Не ведая премудрости в веках,
Ни гнева, ни любви понять не можем.
Как эти вербы в мартовских снегах.

Нам не вернуть ни славы, ни надежды
Пока в напевах горечи полно,
Пока с экранов в нас плюют невежды,
А ум Великих залило вино.

Ю. Халилу

Прикоснись к камням Самура,
И от мира вдалеке,
Посмотри в ущелье хмуром,
Как вода кипит в реке.

«Веют белые султаны, как степной ковыль...»

М.Ю. Лермонтов

Серебром по охре – в летний зной –
Сохнет на ветру ковыль степной.
Пахнет терпкой горечью емшана*
Бурка у табунщика Ногай.

*Емшан – степная трава семейства полынных.

Синяя обложка.
В клеточку листок.
Рисовал Сережка
На листке цветок.

И смотреть забавно —
Есть и свет, и тень.
— Ты рисуй, мой славный,
Домик и плетень.

Клеточки-ловушки..
Подрастешь чуток,
Девочке-подружке
Подари цветок.

НА СМЕРТЬ БЕЛЛЫ
АХМАДУЛИНОЙ

В тот день звенели небеса от стужи,
Когда унесся голос твой в века.
И те, кто не был лирою разбужен,
Душою потянулись к облакам.

Судьба плетет круги и полукружья.
Ты – в небе, от земных вдали тревог.
Пусть люди знают – песня не оружие,
А фимиам, что ниспослал нам Бог.

Спи мирно, разбудившая полмира.
Твой голос ливни на землю вернут,
И звонкая твоя не смолкнет лира.
И всю её по капле разберут.

Не жалею, не зову, не плачу...

С. Есенин

В пределы, пахнущие пирогами,
Как полагалось, после января,
Пришел февраль с ветрами и снегами.
Летят, кружась, листки календаря.

Чтобы забыться, я на месяц запил.
Но мне забвения так и не дал Бог.
На сердце только горечь первых капель,
И та печаль, что я залить не смог.

Пятнадцать лет прошло со дня разлуки.
На ту стезю вся жизнь моя легла.
Лишь в пьяном сне к тебе тяну я руки.
Но впереди – февральской ночи мгла.

Февраль... Скорей на улицу, где вьюжно.
Невыносим стал комнатный уют...

Лишь провода по-зимнему натужно
О чем-то недосказанном поют.

КАССАНДРЕ

Не пророчествуй, Кассандра.
Знают, —
Участь Трои решена давно.
Боги не к одной тебе слетают —
Молодое их пьянит вино.

Аполлона похода отвергнув,
Думала покой здесь обрести.
Легче отказать богам, наверно,
Чем их злобу, гнев и месть снести.

Только не буди наш мир, Кассандра, —
Город в летаргию погружен...
Мир встряхнут колонны Александра.
Спи, Кассандра. Спящий — вооружён...

ЛЮБКА

Л.Л.К.

Помнишь, Любка, как молилась Богу
Ты одна, крестясь наоборот?
А ведро, чем обожгла ты ногу?
А твои пионы у ворот?!

Этого давно уже не стало.
Прошлое растаяло, как тень.
Где тот дворик, где мы подрастали? –
Разрослась там белая сирень.

Любка, Любка! – Ты давно не Любка.
Да и я уже совсем не тот...
И твоя сиреневая юбка
Для меня в ночи не промелькнет.

Любовь... Леонидовна, позволю,
Пусть теперь командуете Вы,
Бросьте все и вырвитесь на волю –
В детство из разлучницы-Москвы.

Наберем водицы из колодца.
Вы ногой притронетесь к ведру.
И не бойтесь, прошлое не жжется.
А ожжется – заживет к утру...

ЗАБАСТОВКА

Собрались люди – много людей. Женщины и мужчины. Выступали, спорили, горячились.

Требовали работы и зарплаты. Я тоже хотел выступить, но как-то вдруг обратил внимание на глаза женщин: сквозь крики и ругань в них проступала тоска.

Я подумал: зачем эти женщины здесь, если решать что-то в этой жизни нужно мужчинам. И, подумав так, понял тоску, что сквозила в женских глазах: они тосковали по сильным мужчинам.

Мне расхотелось выступать, потому что я отчетливо понял – время сильных мужчин еще не пришло.

17.10.2005

И-аул

Брату Напику

Мой Дагестан, ты повидал так много.
На помощь мне, мой Дагестан, приходи.
По мирным и по боевым дорогам,
Сквозь времена, как сына проведи.

О, Милосердный, я дерзнул в гордыне
И усомнился в праведном пути,
Ты просвети меня, веди отныне,
Не дай от аль-Корана отойти!

Увы, суду истории подвластен
Я в той же мере, что суду Творца
И неизвестно, как потомков страсти
Изменят краски моего лица.

Смотрящему на битву из бойницы
Лишь панорама общая видна.
Мы в Книге жизни, теребя страницы,
Не замечаем грязи всей со дна.

Окутаны серою мглою
Громады недвижимых камней,
И властвует ночь над землею,
Но нет тебе отдыха в ней.

Прохлада с рассветом приходит,
Клубится в ущельях туман,
Луна из-за кручи восходит, –
Тревожен сон твой, Дагестан.

ВОРОБУШЕК

(Перевод из В. Г. Катулла)

Удивительный глазам открылся вид:
На груди твоей воробушек сидит.
На груди ли? На верхушке ли холма?..
Так красиво, так легко сойти с ума...

ВОСПОМИНАНИЯ О ГАНГЕ

Сестре Юлише

Кружась ночами в хороводс,
Сны ранят неземной тоской.
Куда от нас душа уходит,
Готовит телу путь какой?

Мне кажется: я был извечно,
Века проходят сквозь меня,
Но разум смертного, конечно,
Не может этого понять.

Когда мой труп на водах Ганга
На погребальном жгли плоту,
Я понимал, согласно рангу,
Что снова тело обрету.

ЖИЗНЬ

(из Азербайджанского фольклора, вольный перевод)

Однажды и навек – не отрекайся,
Пока живешь, ни от тюрьмы, ни от сумы.
Самим собой, коль можешь, оставайся...
В объятьях времени стареем мы.

Придет в свой час за все грехи расплата,
В свой час обдаст нас холодком зимы.
В том наша жизнь ничем не виновата –
В объятья вечности уходим мы.

В свой срок мечты растают и надежды,
Как отчих хижин терпкие дымы,
И в странствиях изнасятся одежды...
У вечности в плену стареем мы.

Увидев смерть друзей своих и близких,
Излив тоску за столиком корчмы,
Сгорим дотла от дел и мыслей низких...
Старая, в вечности исчезнем мы.

ФЕВРАЛЬ

В. В. Мутину

Трахнул своею сединой февраль...
Он – властелин, и трон его незыблем.
Слепит глаза заснеженная даль,
Шурша поземкою
под небом синим.

Но скоро, скоро черная ветла
Укроет ветки белою порошей.
Не потому ль так хочется тепла,
Простых стихов
и музыки хорошей.

НЕЧТО О НАС

Когда по капле жизнь твоя уходит
В воспоминаний зыбкие пески,
И сожаление на ум приходит –
Седеют не по возрасту виски.

В душе своей стыдливо понимаешь,
Что жизнь растратил – ничего взамен.
И, по большому счету, сам не знаешь,
Куда качнется совести безмен.

Неполноценна переплате сдача
И жизнь – не вязь удач и неудач, –
Преклонный возраст не стена для плача –
Доска, что ждет решения задач,

Которых ты откладывал решенье,
Надеясь на потом иль на авось.
Так не горюй при жизни завершени,
Что тех задач так много набралось.

ОДИНОЧЕСТВО

Из света и тени, из ветра,
Из снега. Модерна и ретро,
Из песни и плача, из смеха и слез
Свой дом мне построить пришлось.

Свечою душа на подсвечник
Сквозь мрак пробивается вечный...
Я в доме сижу одинок,
Великий и грустный. как Бог.

Захочешь – зайди ненароком,
Окинь все блуждающим оком:
Бегут вереницей года.
И мрак тот, и свет – навсегда!

НА ШЕКСНЕ*

Еще так не близко до первых проталин,
Еще и снега не запахла весной,
И облик природы еще так печален,
И снежная гладь так бела над Шексной.

Но душу изводит предчувствие чуда,
Река подо льдом копит силы в тиши,
И хочется птицей рвануться отсюда
Туда, где вода все оковы крушит.

С годами труднее выносятся зимы,
С годами страшнее безмолвный покой.
И холод невидимой смерти все зримей,
Ведь знаешь, что ты не проснешься с рекой.

Еще далеко до весенних проталин,
Не тронут и девственен снежный простор,
Но в тягость тугие объятия спален.
Милее с Шексной мне немой разговор.

*Шексна – крупная река в Вологодской области.

МОЛИТВА

Рассвет зарею золотится,
Хрустально чист.
Господь, как жаль, что я не птица,
Не древа лист.
Чтоб смог навеки с миром слиться
И умереть.
Росою плакать и с синицей
На пару петь.

Посвящается жене

Постой, не уходи, роняя фразы.
Застынет слово каплей янтаря.
Ты и сама поймешь не вдруг, не сразу,
Что солнце в каплю заключила зря.

Постой, не покидай меня с обидой,
Слова душой ранимой я ловлю.
На улицу за тенью милой выйду,
Но не осмелюсь я сказать: «Люблю».

Так от чего же фразы сердце ранят,
Я думал, эту боль перемогу,
Но солнцем в янтаре мерцает память –
Забыв тебя, забыться не могу.

И ночи темень, и зари румянец
Полны тобой, смеясь, летящей вдаль, –
Смертелен с призраком невольный танец –
На сердце саваном любимой шаль...

СПОР

Спорили два соловья:

– Моя песня звонче.

– Нет, моя.

Смеялась ива у ручья:

– Пожалуй, что у вас – ничья!

ВЕСНА

Возле самого туалета, впритык к его стене росла айва, много зимних стуж и ветров повидавшая на своем веку. Вся перекрученная и узловатая, от выпавших на ее долю непогод, тем не менее, она была выше других деревьев и цвела позже всех. Под айвой росла малина и, еще ниже, клубника.

Как-то весной я подслушал их разговор. Нечаянно, я не люблю подслушивать.

Уже созревшая клубника шепнула нависшей над ней малине:

– Смотри, малина, какая дылда, а корни запустила в туалет и питается – мне даже стыдно сказать, чем!

Малина наклонила прутья к клубнике и, ласкаясь, сказала:

– Девочка, да оно же дерево, оно же грубо, куда ему до нашей щепетильности.

Прошло немного времени и ветер донес до вершины айвы разговор клубники с малиной. Покачала айва пышной кроной, чуть-чуть приспустила ветви и шепнула вниз:

– Стыдитесь, к вашим корням ведрами несут то, что я своими корнями добываю сама. Сказала и чуть-чуть зарозовели лепестки ее цветов от стыда, что пришлось это объяснять.

Я перевел глаза вниз и увидел клубнику и малину – одна красная, другая – розовая. Я почему-то засмутился и, войдя в дом, как бы ненароком сказал жене:

– Сходи, посмотри, не поспели ли клубника или малина.

УРУС НЕВЕСТА

Весть пришла неожиданно, как и приходят все вести: приезжает сын Исмаила! Где-нибудь, в другом месте, это было бы рядовым событием, но в маленьком горном ауле эта весть означала многое: угрюмые, немногословные пастухи в глубине своей души надеялись, что раз молодые приезжают из города, то, может быть, не совсем безнадежно будущее аула, что быть может и не угаснет жизнь среди этих горных теснин.

Мужчины сидели на годекане, напустив на себя равнодушный и хмурый вид, но женщины и немногочисленная детвора высыпали за околицу, ожидая приезжающего. Около полудня детвора закричала: «Идет, идет с какой-то женщиной!».

Годекан замер — не подобает горцу выказывать эмоции, тем более, слушая детскую болтовню. Через полчаса сын Исмаила Курбан, невысокий, коренастый и плотный, похожий на обломок скалы, с такими же изломанными линиями носа, бровей и подбородка здоровался с мужчинами на годекане. Рядом с ним, не отступая ни на шаг, шла и приветливо улыбалась девушка, удивительно стройная и нежная, с глазами цвета апрельского неба. Мужчины на годекане были лаконичны и старательно отводили взгляды от девушки, а та все улыбалась открыто и доверчиво, стараясь поймать ускользающие взгляды. Детвора, сопровождающая эту процессию, издали смотрела на взрослых и хихикала: «Урус, урус».

Вечером в доме Исмаила было многолюдно: мужчи-

ны сидели в гостиной, другие три комнаты и небольшая прихожая были во власти женщин и детей. Праздник был большой и не было недостатка ни в чем.

В гостиной, около девятого часа, когда все были изрядно навеселе, нелюдимый и неразговорчивый чабан Эмин попросил слова и внимания. Сидящие были удивлены и с интересом смотрели на заросшего диким волосом Эмина. А тот, выждав паузу, сказал: «В доме Исмаила большая радость. Мы собрались здесь по случаю приезда Курбана, дай Аллах ему здоровья, ему и дому Исмаила. Я знаю свои горы и своих овец. Я многого не понимаю, пусть Хаспулат скажет, как он смотрит на это дело.

И тут поднялся шум, долго сдерживаемое любопытство нахлынуло волной:

– Хаспулат, вставай, говори.

– Хаспулат, спроси.

И тогда встал маленький сухой старик и неожиданно молодым и звонким голосом призывал всех успокоиться. Когда шум немного утих, он веско и неторопливо начал:

– Мы рады приезду Курбана, но не больше Исмаила. Отправляли одного, но в дом пришли двое и пусть Исмаил спросит сына, кто с ним, с его сыном, приехал.

Исмаил встал, хмуро, исподлобья оглядел собравшихся:

– Я знаю не больше вашего, вызовем сына, и я прошу тебя, Хаспулат, сам его спроси.

Вызвали Курбана, усадили со всеми и Хаспулат спросил:

– Курбан, сынок, не дай Аллах неженатого сына и незамужнюю дочь, кто тебе эта девушка. Мы желаем тебе добра и потому хотим знать.

Курбан не смутился, а довольно развязно ответил:

– Она моя невеста, причем «невеста» он сказал по-русски.

Этого Хаспулат уже не выдержал и тоже перешел на русский язык:

– Слушай, зачем Урус привела, почему надо. Урус умрет на гора. Женись свой, которая привык гора.

После этих слов Курбан резко встал и не говоря ни слова вышел.

Утром весь аул видел, как Курбан провожал русскую девушку.

Женщины у ручья злословили:

– И одного дня не выдержала, вот тебе и Урус невеста.

Мужчины на годекане хмуро вздыхали, как будто знали, что всего через четыре дня будут хоронить Курбана, которому выстрелом снесло почти полчерепа.

11.11.2005

ДОПРОС

Нет, никто из нас не хотел умирать, у нас и в мыслях не было ничего такого.

Это потом, когда он умирал, он сказал мне:

— Как глупо все вышло, я совсем не хочу умирать.

А что я мог сделать, если пуля вышла около другого уха, ну чуть повыше уха, около верхней части. Никто же не думал, что умрет именно он, мы все четверо были готовы.

— Нет, умирать мы не собирались, просто поспорили.

— Было? Было всего два патрона. Да, я нажимал два раза. Ну, чтобы у всех был одинаковый шанс. У меня оставалось меньше? Нет, я просто везучий и я это знаю.

— Нет, сразу после меня. До других очередь не дошла.

Допрашивали долго и нудно. Подписывал протоколы. Мне хотелось, чтобы мне скорее дали срок и посадили в тюрьму.

Вечером ко мне в камеру зашел майор, который меня допрашивал. Он сказал:

— Вы же стрелялись из этого револьвера, — и достал из кармана наш самодельный револьвер.

— Да, сказал я. В барабане был один патрон.

Он сказал:

– Попробуй.

Я спросил:

– Может, не надо?

Тогда он сунул револьвер в мою руку и заорал:

– Козел, ты будешь стреляться три раза, а я – один.

– Понял.

Я три раза подряд нажал на спусковой крючок. Он нажал один раз и прозвучал выстрел.

Больше я ничего сказать не могу. Другой майор, не тот, который застрелился, а другой, почему-то очень долго смотрел на меня.

МОЯ СМЕРТЬ

Я умер 11 мая 2009 года. Вправду сказать, умирать я не собирался. Да, я знал, что когда-нибудь умру, но я не был готов умереть именно 11 мая 2009 г. Это вышло совершенно случайно. Я отравился водкой и умер. И самое смешное здесь в том, что никто не ожидал, что я умру.

Это хорошо, что я умер не 12-го или 13-го, а именно 11 мая. Дело в том, что после майских праздников никто

со мной не разговаривал и мне не жалко было умирать. Вы были на моих похоронах? Не были? Ну, так слушайте, я расскажу.

Лежу я на диване. Часов в десять жена толкает меня:

— Ты долго будешь валяться на диване, алкаш несчастный? А я-то холодный уже, как жаба. Она уходит на кухню, что-то там бренчит посудой. Через некоторое время возвращается, дотрагивается до моего лба, вскрикивает и садится на пол. Вы думаете, она испугалась, что я умер — ничуть, просто она боится мертвецов, а до меня даже дотронулась, вот и испугалась, что тронула мертвеца. Дальше совсем комедия. Мать лежит с инсультом, не может с постели подняться, жена не знает, что делать. Но пришли соседи, подсказали, что и как. Обмыли, как положено. Мне было смешно, но они меня не слышали. Из их разговоров узнал о себе очень много. Оказывается, я хорошим был и добрым, и сердце у меня золотое, и что им всем меня будет не хватать. Я от души смеялся. Они меня не слышали, но по-настоящему я умер от смеха.

Это было 11 мая 2009 года.

БЫЛЪ

А ничего и не было. Был просто субботний вечер и я, молодой специалист сельского хозяйства, пошел (а куда еще было идти?) на танцы в сельский клуб. Я не знал почти никого. Парни смотрели косо. Я стоял в углу и смотрел, тяготясь своей ненужностью.

Подошла девушка и сказала:

– Можно пригласить Вас на танец?

Я ответил, что не умею танцевать. И только после этого обратил на нее внимание и подумал:

– Боже, какая она маленькая!

Она видимо почувствовала что-то и сказала:

– Я учусь в десятом классе и звать меня Таня. Таня Путкова, а вы – Мамед.

– Потанцуем, – и взяв меня под руку потянула в круг танцующих.

Она не доставала мне и до подбородка. Было страшно неловко и я спросил:

– Таня, я слишком неуклюж?

Она засмеялась и сказала:

– А вы знаете звезды?

Я ответил, что нет, но стихи про звезды знаю.

Тогда она сказала:

– Выйдем и посмотрим на звезды. Мы вышли, но было облачно и звезд не было видно. Тогда Таня, залившись серебристым смехом, сказала:

– А вы говорили, что знаете стихи про звезды.

Я ответил, что знаю, но для нее попробую прямо сейчас сочинить новые. Так родились стихи:

Мы с тобою две звезды...

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

Ты говоришь, что я с тобой не разговариваю, что я скрытен. Но, помилуй, я ведь только тем и занят всю жизнь, что беседую с тобой.

Да, именно когда я молчу, тогда я наиболее откровенен с тобой. Ведь слова больше нужны как вуаль, прикрывающая истинные мысли. Я же прекрасно понимаю тебя, когда ты молча сидишь рядом.

Ну, хорошо, без вуали, так без вуали. О моих мечтах? Мне уже поздно мечтать. Мне надо переходить на воспоминания. Но это опять-таки сопряжено с воспоминаниями. Как же?

Послушай, я всю жизнь живу не там, где хочу, занимаюсь не тем, чего жаждет душа, вынужден общаться не с теми, с кем хотел бы общаться. При чем тут женитьба? Я женился на той, на ком хотел жениться. Мы говорили не о любви. При чем здесь любовь? Вот видишь, поэтому я и молчу.

Ты хочешь, чтобы я с утра до вечера ходил, держась за твою юбку? Я думал, что мы с тобою так хорошо знаем и понимаем друг друга, что в этом нет необходимости, что все и так ясно.

Так что же теперь? Я что, должен теперь выйти на улицу и кричать, что люблю свою жену?

Нет, я не издеваюсь.

Тогда давай поговорим о теории разлетающихся Вселенных, о биноме Пьютона или особенностях музыки Канчели.

Нет, не считаю, но я знаю: о чем бы мы ни начинали говорить, все сведется к одному.

Я устал тебе повторять, мне никто, кроме тебя, не нужен. Правда.

Вот мы опять говорим об одном и том же. А тем временем я думаю о том, что давно не был на Родине и тоскую по журчанию ручья, по рокоту реки, мне хочется полежать на огромном валуне, что стоит посреди реки, хочется прижаться щекой к нагретому солнцем камню, вдыхать его запах и ни о чем не думать.

Мы же только что говорили...

ИСПОВЕДЬ КИЛЛЕРА

Я никогда бы не смог поверить, если бы мне сказали, что я когда-нибудь стану писателем.

Избыток времени и беспокойная совесть заставили меня обратиться к вам.

К вам, которые еще не успели никого убить, но в душе убиваете каждый день.

Не делайте этого явно – общество вас не поймет.

Тысячи людей собираются на место публичной казни не из-за любви к виду крови, а из-за тайного чувства злорадства: «Я тоже хотел сделать это, но не сделал».

Не чувство сопричастности к казни собирает толпы людей на место казни, а чувство сопричастности к преступлению, поверьте моему опыту.

Убивать надо медленно, исподволь. Тогда вас поймут и оценят, не сроком в двадцать пять лет, как меня, а искренним уважением, как и водится в приличном обществе.

Начните со слова. Слово – только вибрация воздуха, и оно не может являться вещественным доказательством. Но слово, настроенное на определенную частоту

колебания и тональность звучания, путем длительного воздействия способно уничтожить любой объект.

К сожалению, я понял это слишком поздно. Чтобы вы не повторяли моих ошибок могу сказать еще следующее: слово действует лучше, если оно обращено ко многим людям, чем больше людей, тем лучше, тем действеннее слово. Индивидуально направленное слово может встретить отпор, но слово, обращенное к тысячам, а еще лучше, миллионам, отпора не встречает, ибо каждый думает, что оно к нему лично касательства не имеет.

Вот к каким мыслям я пришел на шестом году заключения.

Не знаю, увидят ли свет эти записки, но если я когда-нибудь выйду на волю — я стану политиком.

ТАНЬКА-ТАТЪЯНА

Она любила приходить к нам. Девочка, выросшая в исконно русской семье, жадно впитывала культуру другой семьи, семьи, которая была основана на мировоззрении Ислама. Для нее это был совершенно новый мир, мир, который имел свои правила и условности, для неё порой экзотичные. Именно эта непривычность, непохожесть и влекла ее к нам.

В свои тринадцать лет, еще угловатая, голенастая, но уже почувствовавшая свою женскую сущность, она приходила к нам и боролась со мной, прижимаясь всеми прелестями еще не созревшего тела ко мне. Я понимал ее, ее просыпающийся организм, ее интерес к противоположному полу. Моя жена, сама еще почти ребенок, каким-то шестым чувством угадала, что я хорошо держу дистанцию.

Прошло двадцать лет и я увидел ее в райцентре. Только большое воображение какого-нибудь Пикассо могло себе представить во что превратилось это милое тринадцатилетнее существо к тридцати трем годам.

– Татьяна Алексеевна, это Вы? – спросил я у неё.

– Это то, что осталось от вашей Таньки, – грустно ответила она.

В ХЛЕВУ

Душно в темном хлеву, и зимняя ночь длится бесконечно долго. Тяжело вздыхают сытые коровы. Глупые овцы, сбившись в кучу с вечера, заснули мертвым сном – им рано вставать. Не спится только старому ослу Бекиру. С закрытыми глазами, низко опустив голову, он силится вспомнить свою жизнь, но ничего не получается. Все какие-то обрывки: он медленно пьет воду, процеживая сквозь губы, а на дне ручья гладкие, блестящие камни: черные, белые, красно-желтые. Бекир вздыхает и ему хочется холодной и чистой воды из этого ручья. Но он не привык долго думать и, сквозь дрему, он ощущает тяжесть поклажи на спине и нещадные удары палкой по бокам. Сразу же начали ныть разбитые ревматизмом суставы и растрескавшиеся копыта.

Осел, вздрогнув, просыпается и диким, дурным голосом орет на всю округу, всхлипывая и задыхаясь. И в тот же миг зашевелилось все живое в хлеву, кроме овец, разбуженное диким ревом. А тут еще одноглазый петух Гуди прокукарекал, спросонья вообразив, что наступило утро и он проспал. Переполох был большой, но

мудрая старая корова Джейран успокоила всех. А когда все затихли, ласково-укоризненно промычала ослу:

– Как тебе не стыдно, Бекир, переполошил всех и стоишь, как ни в чем ни бывало и так вот каждую ночь. Помнишь, на прошлой неделе из-за твоего рёва молодая несущка Ряба получила инфаркт и скончалась. Не молодой же ведь, а все озоруешь.

– Старость, болею я, – фыркнул Бекир.

– Да ты еще меня переживешь, – не унималась Джейран. – Когда меня, молодую телушку, привели в этот хлев, ты и тогда был такой же, среди ночи озоровал, а я, слава Богу, не молода уже, десятерых телят принесла.

– Так ты и живешь на всем готовеньком. Вот что у тебя в яслях, – покосился Бекир в сторону Джейран.

– Клевер, а что? – простодушно отвечала та.

– А у меня солома. И клевер, между прочим, я таскал на собственной спине, а мне ни клеверины – все вам, дармоедкам, – опять взревел Бекир.

– Ну, я не в ответе, – сказала корова и, вытянув голову, начала безучастно жевать.

В это время рывком открылась дверь хлева и взбешенный хозяин, ворвавшись в хлев, начал палкой избивать Бекира, приговаривая:

– Проклятый осел, покоя от тебя нету, опять ребенка разбудил...

После ухода хозяина осёл долго вздыхал, а под утро не вытерпел и сказал корове:

– Пришел, избил ни за что, а у меня крест на спине. Соседа Магомеда осёл, его же привезли издалека, где всё не по-нашему – Христофор, так вот, он мне говорил, что там они молятся на него, на этот крест. А этот пришел и по кресту, и по кресту. Как же так?

Корова Джейран глубоко вздохнула и ответила:

– У меня десятерых забрали и зарезали с молитвой, а тебя хотя бы не зарежут. Молчи уж.

Бекир опять взревел, тяжело, с надсадом, с болью и отчаянием.

– Девочки, встаем, встаем – уже утро, – заблесьли, просыпаясь, глупые овцы.

О МОИХ ЗЕМЛЯКАХ

В быту горцы не любят использовать громкие фразы. Они не любят выставлять напоказ ни дела свои, ни чувства. Видимо все это из-за высокогорья, — здесь нельзя делать лишних движений, все подчинено необходимости.

Изобилие развращает. В горах нет изобилия, кроме изобилия камней и небес. В теснинах долин, где расположены в основном аулы, учишься по особому смотреть на небо, которое здесь высоко, как нигде. Земля здесь очень скудна и поэтому ее дары бесценны. В хозяйстве горца ничего не выкидывается, все идет на дело. Тот же скот — основа горской экономики — мясо, шкура, кости и даже навоз на отопление. Конечно тяжело, но какой экологически чистый и завершенный круговорот!

В горах происходит мало броских событий. И людские судьбы здесь рассматриваются иначе. Видимо это тоже закономерно, потому что перед почти вечной громадой гор, быстротечная человеческая жизнь должна иметь особую, сопоставимую с вечностью ценность.

Если кто-то думает, что горцы строят свою жизнь исходя из этого тезиса, то он глубоко ошибается. Так думаю я, анализируя издавлекa свою жизнь и жизнь земляков-горцев. А там об этом не думают – просто живут, как могут. И все изыскания в области социологии, межличностных и межэтнических отношений кажутся настолько выдуманными, что горцы смеются над этим.

Но, как и везде, в горах есть любовь и ненависть, рождение и смерть, горе и радость, страдание, боль, утешение, и все то, что присуще человеку изначально.

Не буду анализировать особенности горской психологии. Думаю, что простой жизненный пример послужит иллюстрацией ко всему вышесказанному.

Когда в высокогорном селении П. умерли с интервалом всего в два часа муж и жена, к слову сказать, оба уже в преклонном возрасте, после похорон, возле дома покойных один из стариков сказал: «Молитесь за то, чтобы такое счастье ожидало каждую семью».

Это – вершина мудрости.

ПИСЬМА К СЫНУ

Письмо первое

...У вас все будет хорошо. Вы будете жить в мире, максимально приспособленном к жизни. У вас будут машины и яхты, будут прекрасные квартиры. Вы будете ездить по хорошим дорогам, отдыхать на хороших курортах. Будет у вас много такого, о чем мы сегодня даже представления не имеем. Но я не завидую вам. Да, я жил в тяжелое время, во время глобальных перемен, которые прошли по моему поколению – поколению 50-60-х годов. Наши идеалы объявили ложными, наши мечты не сбылись, наши таланты оказались затоптаны толпой – жадной и безнравственной. Но если бы сегодня случилось чудо, и мне был бы предложен выбор – я опять бы выбрал время, в которое жил и живу. Я бы не хотел жить в вашем будущем.

Вам многого не будет дано. Не потому, что вы этого не сможете, а просто потому, что вам и в голову не придет, что это вам необходимо для счастья.

Да, конечно, вы будете жить в мире материального благополучия, но вы будете жить в рафинированном мире. И вы никогда не узнаете ни с чем не сравнимого

аромата и вкуса ржаного караваля, только что вынутого из печи. Никогда, круто посолив, его не съедите, запивая парным молоком в маленькой, насквозь пропахшей жизнью избе. Этого счастья, к сожалению, вы будете лишены. Вы не пройдете поутру к колодцу босиком по траве, обрызганной росой, не будете пить из жестяного ведра, обжигая губы, студеную и прозрачную воду.

Вы не узнаете пронзительной трепетности и хрупкости жизни, которую ощущаешь, любуясь тем, как нескладный, белый, кудравый агненок сосет матку, смешно подрагивая хвостиком.

Вам не придет в голову, что этим можно любоваться.

Прогуливаясь по улицам родного города вы не зайдете запросто к старому, горбатому еврею-сапожнику в его будку, чтобы поговорить о политике. Город будет, но не будет неизменно благожелательного горбуна-еврея, а вместе с ним исчезнет и неповторимое своеобразие вашего города, его душа и этот город будет таким же, как тысячи других городов.

И вы будете такими же, как и миллионы других.

Я с глубокой горечью наблюдаю, как массовая культура формирует у сегодняшней молодежи психологию стадности, культивирует обезличенность, бездуховность. В мое время фабрики производили много полезного для людей: от спичек до колготок.

Сегодня фабрики производят кумиров молодежи.

Раскиньте крылья и вы перестанете падать, вы будете парить. Ловите на крыло восходящие воздушные потоки, и у вас будет время взглядеться в бездонность небес. Прочувствовав глубину и зов небес, вы не захотите паденья.

Я хочу надеяться, что в Россию будут приезжать не за деньгами, а за совестью и душой.

Письмо второе

Мир не так тесен для разбега и взлета, как кажется иным. Мир и есть площадка для разбега, чтобы взмыть в небо, где нет дорожных знаков, призывающих к равенству всех участников движения. Равное количество плоскости на земле и на небе дает возможность взмывшим в небеса реализовать себя полней и всесторонней.

Бескрылый полет – это падение, а вверх или вниз, это как смотреть, с какого ракурса.

По мне любой бескрылый полет – падение. Только крыло ловит воздух, как парус, и углом своего наклона возносит или снижает нас. Ты поймешь это. Напрасно вас, современную молодежь, считают лишенными чувства равновесия. У вас свое равновесие, свое видение мира, во многом отличное от нашего.

Процент риска – величина постоянная. Соотноше-

ние риска и жажды жизни – тоже величина постоянная. Постоянная Макса Планка определяет многое в физике. Постоянная Жизни определяет все, в том числе и постоянную Планка.

...Нет человека, не совершающего ошибок, но только осознание собственных ошибок делает биологический объект человеческим индивидуумом...

...К вопросу о Боге надо относиться осторожно, потому что Бог – это примирение между животной сущностью человека и его духом.

Грубо говоря, Бог – баланс, определяющий разность духовного и физического в человеке.

Прислушайся к моим словам. После них ты не станешь мудрее или глупее. Эти слова войдут тебе в душу и, прожив жизнь, где всего будет достаточно, ты сам сделаешь свой выбор...

...В мире есть одна реальность – реальность бытия. Бог – это лакмусовая бумажка, определяющая ценность этого бытия. Строя здание своей жизни, надо привязываться к определенному ориентиру. Для кочевников Евразии это – небесный гвоздь, то есть Полярная звезда, для нас же Бог – ориентир вечный. Верить или нет – вопрос второстепенный, главное в привязке жизненных установок к универсальной ценности...

Письмо третье

...Я не могу говорить с тобой одним, это было бы предательством или, вернее, неуважением к другим молодым людям, которые так же стоят на пороге взрослой жизни, о внутренней мотивации которой не знают почти ничего. В предыдущих своих письмах я вкратце коснулся наиболее важных составляющих жизни, не детализируя их. Если охарактеризовать жизнь, как можно более схематично – это многоугольник, углами которого являются заповеди (Библии или Корана не имеет значения, меняется только количество углов, а суть одна – наиболее универсальные правила человеческого общения).

Эти правила – только ориентиры, на которые указывает стрелка нравственного компаса. Для каждодневной жизни этого недостаточно. Эти заповеди нужно расшифровывать как карту, отснятую из космоса: есть общие контуры, а детализация элементов ландшафта требует специальных навыков. Недостаток молодости в том, что этих навыков нет. Методологии старших поколений не всегда отвечают сегодняшним требованиям, но они – базис, опираясь на который вы сможете разработать свои собственные методологии...

...Жизнь полна соблазнов – от сиюминутных, как удовольствия, достаток, слава и тому подобные – и до соблазнов глобальных: покорение мира, сохранение себя в Истории. На мой взгляд, главное в жизни – ответ-

ственность перед самой жизнью. Ты не сам себя породил, значит, уже самым рождением, чему-то или кому-то обязан. Живешь не в изолированном мире, не в вакууме, значит, возникают какие-то обязательства по отношению к другим людям. Умерев, не сам себя хоронишь, кто-то копает могилу, кто-то оmyвает и ображает тело и так далее – значит, и по отношению к смерти ты многим обязан. Максимум человеческой свободы в признании своей независимости, своих обязанностей перед живыми и мертвыми, и в возможности исполнения этих обязанностей. То есть свобода – это возможность осознания своего долга перед Жизнью. Не каждому это дано, но кому дано, это высшая милость судьбы...

...Подмастерью не нужно лекало, потому что все сделает мастер. Я не предлагаю лекало, я хочу чтобы вы были мастерами...

...Я увлекся слишком общими вопросами и из заявленных в начале письма проблем не осветил почти ничего, но это не значит, что я растекся мыслью по древу. Это дает мне возможность и необходимость следующего письма.

Пока же прощаюсь, с пожеланиями добра.

Разве по себе оставим память? —
Не прельщайся грезами, мой друг.
Ограничен до предела круг
Тех, кого наш сон всерьез изранит.

Бабка сердобольная поплачет,
Сестры в горе кинутся на труп.
Только горе видится иначе
Дубу, обреченному на сруб,

И воспримут дети смерть, как данность —
Ведь отцы обязаны уйти.
Их пугает только лишь неожиданность
Нашего последнего пути.

И не стоит горевать и плакать,
Что мы вечность не переживем...
Так не разводи слезами слякоть —
Радуйся, что мы пока живем.